

ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА **GENRE TRANSFORMATIONS IN THE WORK OF A. M. REMIZOV**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности жанра нежития в творчестве А. М. Ремизова. Основными характеристиками произведений называются психологическое углубление образов героев, введение автобиографических деталей, динамизация стиля благодаря использованию живой речи и диалогов, а также соединение древних сюжетов с элементами современной действительности. Подчеркивается отход от традиций религиозной литературы и расширение культурного контекста в произведениях А. М. Ремизова.

Ключевые слова: нежитие; А. М. Ремизов; агиография; фольклорные элементы; автобиографизм.

Abstract: The article considers the peculiarities of the genre of neo-living in the work of A. M. Remizov. Such characteristics as psychological deepening of characters' images, including negative emotions, dynamization of style due to the use of live speech and dialogues, as well as connection of ancient plots with elements of modern reality are highlighted. The authors emphasise the departure from the traditions of religious literature and the expansion of the cultural context in A. M. Remizov's works.

Keywords: neo-hagiography, A. M. Remizov, hagiography, folklore elements, autobiographism.

Современное литературоведение активно исследует традиции агиографии, мифологические архетипы и библейские мотивы в русской литературе [2]. Однако, по мнению М. М. Лоевской, современные житийные тексты часто сводятся к дешевым эффектам и визионерству [5].

Исследование нежитийного жанра у А. М. Ремизова, русского писателя и драматурга, может способствовать решению этой проблемы и отвечает запросу на поиск культурных оснований национальной идентичности. Его творчество отличается глубоким интересом к фольклору, древнерусской культуре и автобиографизмом. Произведения А. М. Ремизова сочетают элементы мифа, сказки и подчеркивают звучание эпохи. Особенно примечательна работа автора с языком произведений: использование архаичной лексики, диалектов и эксперименты с формой. В текстах писателя переплетаются религиозные мотивы и народная культура, что делает его стиль неповторимым и самобытным.

Данное исследование посвящено изучению способов трансформации житийного канона в творчестве А. М. Ремизова, попытке соотношения его произведений с жанром нежития.

Термин «нежитие» связан с исследованиями творчества Бориса Зайцева Г. П. Синельниковой, Е. В. Воропаевой [3, 10]. Произведения сохраняют житийные черты (канонический герой, благоговейное повествование, идеализация), но дополняются новыми особенностями, к которым относятся:

1. Антропоцентризм: раскрытие человеческой природы героя, его страданий и эмоций.
2. Исторический контекст: активное взаимодействие героя с историческими событиями.
3. Авторское присутствие: интерпретации, комментарии и культурные параллели.
4. Трансформация чудесного: минимизация и рационализация чудесных элементов.
5. Поэтизация образа: продолжение традиции «плетения словес» [10].

Материалом настоящего исследования выступают произведения А. М. Ремизова «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о двух зверях. Ихнелат» как примеры жанровой трансформации.

Оригинальный сюжет «Повести о Петре и Февронии» создал Ермолай-Еразм, древнерусский книжник XVI века. Повесть необычна для житийного канона: С. Р. Панеш и О. В. Капец отмечают сходство с бытовой повестью и включение народно-поэтических образов [7]. А. М. Ремизов переосмыслил произведение на разных уровнях.

С точки зрения композиции линейность повествования сохраняется, однако в текст не включается молитва, восхваление святых, обращение к Богу, самоуничтожение автора – самые регулярные элементы древнерусской агиографии, присутствующие и у Ермолая-Еразма [4]. Произведение заканчивается похвалой любви святых, что ярко демонстрирует смещение акцента с канонической житийной темы.

Главная функция жития – назидательная. Агиографическая литература стремится создать универсальный эталон духовности, благочестивого христианина через образ личности святого, его жизненного пути, поэтому идейно-образующей нитью агиографии является акцентирование религиозного смирения, кротости, нравственной чистоты, сдержанности святого, а в случае сюжета о Петре и Февронии – их брака. Итогом пути житийного героя, а также его главной целью является воссоединение с высшими силами.

В тексте же А. М. Ремизова реализуется сам миф истинной любви [1]. Совершенно невозможная для канонического жития параллель с Тристаном и Изольдой, Ромео и Джульеттой, т. е. архетипическими сюжетами о любви, ярко демонстрирует смещение акцента в тексте писателя. Описывая Ласку, Ремизов ссылается не на священные тексты, а на православное искусство: сравнивает отрока с героем картины М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Таким образом, контекст расширяется с узко церковного до общекультурного.

Изменение центральной темы произведения влияет и на ключевые образы. А. М. Ремизов уделяет особое внимание психологическому портрету героев, раскрывая широкий спектр их чувств, в том числе негативных, церковью не поощряемых: ревность, сомнения, беспомощность, отвращение.

Герои становятся более человечными, объемными и сложными. К примеру, Павел, которого в оригинальном тексте характеризует только прилагательное «благочестивый», радуется случайной смерти изменившей жены от рук брата, а в качестве возможной причины гибели Ольги указывается испуг Петра, который ее «саданул». Вводимая категория случая, ошибки стирает ощущение традиционной божественной предначертанности.

Трансформируется и образ Февронии, а вместе с ним и природа происходящих чудес. Святая гневается на князя, когда он приходит к ней за исцелением вновь, проклинает алчных бояр, внушает страх, отдает приказы и властвует вместо проявления канонической кротости и женской покорности. Мягким, пассивным выступает Петр, что нетипично для образа самодержжного князя.

Силы, сопровождающие Февронию, в основном колдовского, природного, фольклорного характера, что нехарактерно для житийного канона, а сама она несколько раз называется окружающими ведьмой.

Сказочный характер носят совершаемые Февронией чудеса: они направлены на утверждение могущества и избранности Февронии, замыкаясь, главным образом, на самой героине или нося символический характер. Единственный человек, который был спасен Февронией – это князь Петр. Отсутствуют и посмертные чудеса, которые в канонических житиях могут по объему превосходить биографическую часть текста.

Выразительной стилистической особенностью текста А. М. Ремизова является его динамичность, создаваемая значительным числом диалогов и близким к разговорной речи синтаксису. Писатель сочетает устаревшие слова, формы, воссоздающие реальность исторической эпохи, и сниженные выражения, которые не могли бы стать частью агиографического текста.

Интерес А. М. Ремизова к древнерусской литературе носил устойчивый, глубоко личный характер. Тенденция переработки жанрового канона древнерусской литературы закономерно проявляется во всем творчестве писателя, который берется за преобразование не только произведений агиографической традиции, но и за притчи. Данная тенденция последовательно отражена в произведении «Повесть о двух зверях. Ихнелат».

«Стефанит и Ихнелат» – переводной цикл басен о животных, происходящий из индийской «Панчатантры» IV века, через арабскую версию «Калила и Димна» попавший в Византию, где был адаптирован Симеоном Сифом в XI веке. В XIII веке произведение переведено на славянский язык. Оно выделяется необычной структурой, сюжетами о говорящих зверях и сложной моральной проблематикой.

Я. С. Лурье жанрово связывает текст с притчей, характеризующейся аллегоричностью, назидательностью и отсутствием навязываемой оценки [6]. Эти черты свойственны древнему «Стефаниту и Ихнелату». Рассмотрим трансформации текста в творчестве А. М. Ремизова.

А. М. Ремизов выбирает центральный сюжет, сохраняя образы животных как аллереорию человеческих качеств. Однако аллереория обогащается мотивом противопоставления «человек – зверь» (чужой, лишний). Текст усложняется неопределенностью границ между человеком и зверем: с одной стороны, они становятся почти синонимами, поскольку зверям свойственна антропоморфность. С другой стороны, Ихнелат проводит четкую грань: «я – человек», «человек среди зверей».

Стефанит и Ихнелат принадлежат к неопределенной породе животных, что в оригинале объяснялось трудностями перевода, а в произведении А. М. Ремизова приобретает дополнительные смыслы «невключенности» и «отвлеченности». Это подчеркивает их чуждость окружающему миру, особенно остро ощущаемую Ихнелатом.

Пространство текста сочетает абстрактное (поле, дворец Льва) и конкретное. Ремизов вводит маркеры современности: упоминания очередей за молоком, бытовые детали, связанные с жизнью в оккупированном Париже, и описание комнаты, напоминающей его собственную. Так создается сложное пространство, одновременно сказочное и реальное, автобиографичное.

Автобиографизм проявляется и в болезни героев: Ихнелат слепнет, узнав о смерти друга, что связано с личным недугом писателя – близорукостью, переходящей в слепоту. Мотивы чуждости и «невключенности» также отражают жизненные ощущения самого Ремизова.

Творчество А. М. Ремизова отличается стилистической динамичностью, достигаемой через использование разговорной речи, диалогов и упрощенного синтаксиса, что является отхождением от строгих канонов агиографической литературы. Важным аспектом становится смещение акцента с религиозно-дидактической функции на психологизм и человечность героев: их эмоциональные состояния (ревность, сомнения, беспомощность) раскрываются глубже, чем в оригинальных текстах.

Таким образом, динамичность стиля, психологизм, автобиографичность и многослойность временного контекста позволяют рассматривать произведения А. М. Ремизова как яркий пример жанровой трансформации с авторской интерпретацией традиционных сюжетов.

Библиографический список

1. Алтухова, Л. И. Миф о Любви в повести Алексея Ремизова «Петр и Феврония Муромские» / Л. И. Алтухова, Л. И. Еременко // СибСкрипт. – 2008. – № 2. – С. 126–129.
2. Васильев, В. К. Сюжетная типология жанра жития в русской литературе XI–XVI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. К. Васильев. – Томск, 2007. – 27 с.
3. Воропаева, Е. В. «Афон» Бориса Зайцева / Е. В. Воропаева // Литературная учеба. – 1990. – № 4. – С. 32–35.
4. Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских / Ермолай-Еразм. – М. : Директ-Медиа, 2016. – 20 с.
5. Лоевская, М. М. Русская агиография в культурно-историческом контек-

сте переходных эпох : автореф. дис. ... д-ра культурологии / М. М. Лоевская. – М., 2005. – 46 с.

6. Лурье, Я. С. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихниллат» / Я. С. Лурье // Русская литература. – 1966. – № 4. – С. 176–179.

7. Панеш, С. Р. К вопросу изучения «Жития Петра и Февронии» / С. Р. Панеш, О. В. Капец // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 186–189.

8. Ремизов, А. М. Звезда надзвездная : собрание сочинений / А. М. Ремизов. – СПб. : Росток, 2018. – 728 с.

9. Ремизов, А. М. Повесть о двух зверях. Ихнелат / А. М. Ремизов. – <https://facetia.ru/node/6320?ysclid=mbq8ksec3n498802001> (дата обращения: 21.03.2025).

10. Синельникова, Г. П. Неожитие Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» / Г. П. Синельникова // Культура и текст. – 2005. – № 9. – С. 144–152.